

A person is seen from behind, standing on a rooftop with their arms outstretched. They are holding two powerful, glowing red energy beams that extend upwards into a dark, stormy sky. The background is a city skyline at night, with buildings illuminated by lights. The overall color palette is dominated by red and black.

АНДРЕЙ ПОТАПОВ

ДО ПОСЛЕДНЕЙ
КАПЛИ

Андрей Потапов

До последней капли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70527526

SelfPub; 2024

Аннотация

В мире, где от крови зависят энергетика и даже магия, можно выжить только одним способом. Так называемая элита будет выкачивать из тебя жизнь, пока ты не заразишь себя опасной разновидностью гепатита, убивающей костный мозг. Таких называют губильщиками. Настоящими отбросами общества. Сержант Томпсон вынужден отправиться на благотворительную вечеринку, где губильщики угрожают людям расправой. Юный Тедди Миллер, один из нападающих, хочет отомстить за разрушенную семью. На другом конце материка майор Мэнс Уиттакер ведёт свою группу оперативников на смертельную схватку с убийцами полицейских, попутно расследуя дело о вакуумной батарее, способной поставить на уши весь миропорядок. Какие тайны скрывают обе половины развалившихся Соединённых Штатов? Смогут ли губильщики побороть кровавую диктатуру? Ответы найдут своих героев, но сначала придётся хорошенько попотеть.

Андрей Потапов

До последней капли

Акт I. Магия крови

Глава первая.

Ультиматум губильщиков

Этим вечером банкетный зал был необычайно полон. Окружённые тысячами парафиновых свечей, истовые аристократки блистали в нарядах от кутюр, а их благородные джентльмены обсуждали серьёзные вопросы, попивая Джим Бим со льдом. Массивные столы из редчайшего красного дерева прогибались от водружённых на них яств, заполнивших ароматом всё помещение.

Высокий потолок поддерживали колонны из мрамора. По их ритмично расположенным стволам гирляндой струились орнаменты, выдолбленные ловким скульптором – достойным сыном Эпохи Возрождения.

В центре композиции возвышалась сцена с микрофоном под старину. Рассаженные по периметру музыканты из ка-

мерного оркестра были готовы заиграть в любой момент. Тем более, что торжество обещало вот-вот начаться.

– Как вы находите вчерашний матч, мистер Фултон? – спросил господин с закрученными бакенбардами, откинувшись на спинку дивана.

– Ах, дорогой Джейкоб, – с горечью произнёс джентльмен в цилиндре, скрывающем раннюю лысину. – Безусловно, я рад тому, как наши Янкиз разнесли этих “Близняшек” из Миннеаполиса. Но до чего было горестно смотреть, как Стэнли – его же Стэнли зовут? – Паттерсон растянулся на поле, пытаясь добежать до второй базы.

– Если бы не этот дурацкий камешек... – заунывно протянул Джейкоб Моррис и с аппетитом отправил канapé себе в бороду.

– Кровь в три ручья, – трагически запричитал мистер Фултон, сделав глоток красного вина. – И это когда каждая капля на счету.

– И не говорите, друг мой, – поддержал его джентльмен с бакенбардами и тут же весёлым голосом позвал свою спутницу, как раз дефилирующую мимо: – Кэролайн, детка, принеси своему папочке ещё виски и узнай, когда же всё-таки начнут. А то, чувствую, мы такими темпами сопьёмся быстрее, чем кого-либо наградят.

В знак абсолютной власти мистер Моррис легонько шлёпнул женщину по ягодицам, и та, рассмеявшись, ускорила шаг.

– Её так заводят эти игры в прошлое, – доверительно шепнул Джейкоб своему собеседнику. – Если бы не Кэролайн, я бы уже давно перестал появляться у этих напыщенных козлов.

– И то верно, – подняв бокал, ответил мистер Фултон и отпил ещё немного. – Ваша дама неплохо смотрится для своих лет.

– Что значит, неплохо? – мистер Моррис удивлённо поднял бровь. – Превосходно, друг мой. Превосходно! Кэролайн вот-вот стукнет шестьдесят, но больше двадцати пяти ей не дашь. Раньше об этом можно было только мечтать.

– До сих пор не понимаю, как вы уговорили принять её в клан. Столько поколений мы не пускали никого извне...

– Ну что вы, – театрально рассмеялся Джейкоб. – Никто никого не принимал. Просто я делюсь с бедняжкой своей донорской кровью, а Кэролайн за это мне очень благодарна. Как умеет.

Мистер Фултон хотел сказать что-то ещё, но его оборвал голос ведущей, которая наконец вышла открыть вечер.

– Дамы и господа, я безмерно рада приветствовать вас на ежемесячном фестивале благотворительности, – провозгласила леди в блестящем платье до щиколоток. – Вы хорошо знаете, что мы постоянно прикладываем усилия для обеспечения наших бедных доноров едой и кровом.

Оркестр воспроизвёл короткую инструментальную репризу, подчеркнув важность слов.

– Как сказал досточтимый сэръ Адам Смит, конкуренция – двигатель прогресса. И наш медиахолдинг “Кон-Ньюз” строго придерживается этой парадигмы. С тех пор как мы запустили “Гонки меценатов”, сборы средств подскочили в десятки раз. И всё благодаря постоянно обновляющимся рейтингам на первых полосах наших изданий.

Ведущая прервалась, чтобы прозвучали торжественные фанфары и стихли овации.

– Но сегодня мы идём на беспрецедентный шаг, – понизив тон, сообщила девушка. – Такого ещё не было за всю историю Конфедеративных Штатов Америки.

Музыкальное сопровождение стало таинственным, почти зловещим. Виолончелист перешёл на низкие протяжные ноты, а скрипачи напротив – ушли выше, стреляя в зрителей очередь из волнительного тремоло.

– Мистер Фултон, успокойтесь, – засмеялся Джейкоб, глядя на своего молодого собеседника. – Когда слышишь такое впервые, оно неизменно впечатляет. Но я вам открою тайну. Эту речь повторяют буквально каждый раз. Уже мозоли в ушах натёрли, честное слово.

Но мистер Фултон не слушал бородатого знатока вечеринок. Что-то было не так. Что-то недоброе витало в атмосфере лицемерного празднества.

– Мы давно следим за деятельностью ваших фондов, – продолжала вещать девушка со сцены. – И хорошо знаем, с какой целью вы их открыли.

Мистеру Фултону сделалось дурно, и он ненадолго снял цилиндр, чтобы промокнуть капли пота на голове.

– Твой виски, милый, – мягким голоском пропела Кэрлайн и вручила Джейкобу стакан.

– Садись к папочке, – приказал тот, похлопав себя по коленям.

Молодой человек не понимал, как можно отвлекаться в такой момент. Было очевидно, что речь ведущей обретает всё более угрожающий оттенок.

– Ваши деньги стекаются сюда миллионами, а налоги платить не надо, – девушка в сияющем платье лучезарно улыбнулась: – И это правильно. Не может государство отбирать средства у тех, кто в них по-настоящему нуждается. Хотелось бы остановиться на этом подробнее, но лучше послушать настоящего профессионала своего дела. Приглашаю на эту сцену Клиффорда Олсопа, главу Налогового управления Конфедерации.

Зал снова утонул в аплодисментах. На сцену не без помощи привлекательной ассистентки поднялся дряхлый старик с орлиным взглядом.

– Ах, простите, – закричал он в микрофон и картинно достал из кармана брюк маленький картридж. – Я всё время экономлю, но совсем забыл, что перед публичным выступлением хорошо бы...

Приговаривая что-то невнятное себе под нос, мистер Олсоп закатал рукав пиджака и вставил картридж в разъем

под левым бицепсом. Через несколько секунд тишины старик издал вздох облегчения, и морщины ушли с его лица, а осанка выпрямилась. Теперь Клиффорд выглядел не старше джентльменов в зале.

– Так-то гораздо лучше, – объявил мужчина в микрофон под очередной всплеск фанфар. – Я вот что хотел по этому поводу сказать, мда. Мы с вами, дамы и господа, трудимся с большой самоотдачей и нередко в пылу работы забываем о себе. Но взгляните, чего мы добились за эти столетия. Какое общество мы создали. Разве это не повод хоть немного подумать о себе? Думаю, никто не обидится, если каждый из вас вколет себе по дозе.

Как по команде, зал наводнили прелестные официантки раннего студенческого возраста с подносами, полными таких же картриджей с кровью.

– А вы беспокоились, дорогой друг, – смеясь, развёл руками Джейкоб. – Вступление рассчитано на таких новичков, как вы. В наше время не так-то просто получить адреналин, а вам его даром, буквально на блюдечке. Стоит быть благодарнее. Да, Кэролайн?

Спутница мистера Морриса глупо рассмеялась в ответ и протянула руку, чтобы стянуть с подноса четыре картриджа.

– Она у меня очень запасливая, – проронил Джейкоб, заметив этот трюк. – Милая, верни один на место. У нас их и так полон дом. Ах да, здесь же такое не принято говорить вслух.

Мистер Моррис залился густым смехом и глотнул ещё виски.

– Таковую кровь вы больше нигде не найдёте, – вещал мистер Олсоп со сцены. – А чтобы выработать её самим, понадобится не менее ста лет. Здесь концентрат всех существующих способностей. Расходуйте их с умом. А теперь по поводу налогообложения. Да, да, вернёмся к скучной бюрократии.

От прилива донорской крови мистеру Фултону полегчало. Сердце сбавило темп, а голова больше не потела, вынуждая снимать цилиндр. Хотя всё равно придётся, потому что Джейкоб привязался с очередной порцией поучений.

– Проверьте вашу лысину, – предложил мистер Моррис, заботливо придерживая Кэролайн за бёдра.

Молодой человек с неохотой залез рукой под головной убор и обнаружил на гладкой коже пробивающиеся волоски.

– Ну не чудо ли? – благостным тоном спросил Джейкоб, заметив, как изменилось лицо собеседника.

– В прошлый раз я выступал целый год назад, – иронично произнёс мистер Олсоп, – так что позвольте подвести итоги за весь этот период. Налоговое управление собрало шесть триллионов долларов дохода, а расходы составили всего полтора доллара с каждой сотни. А значит, рентабельность нашего предприятия возросла ещё на двести восемнадцать процентов, с учётом инфляции. Такие результаты позволяют нам уверенно заявлять о продолжении полной под-

держки меценатства, мда. Вы можете спокойно заниматься благотворительностью, Налоговое управление всё компенсирует с процентами.

– Ни с места! – раздался крик со спины. – Или я его убью.

– Тедди?

Клиффорда будто пригвоздило к полу. Мужчина боялся даже обернуться, чтобы посмотреть в глаза человеку, направившему на него ствол.

В зале начался галдёж. Дамы и господа запаниковали и, не скупясь в выражениях, быстро дали понять обезумевшему виолончелисту, что думают про его эскападу.

– Безобразие! – кричали гости. – Охрану сюда, живо!

– Не будет никакой охраны, – медленно проговорил музыкант, не спуская мистера Олсопа с прицела. – Потому что ваша охрана – это мы.

– Мистер Фултон! Мистер Фултон! – испуганно вопила Кэролайн, пытаясь привести молодого человека в чувство. – Нет, Джейкоб, только не...

Бородатый джентльмен набрал в рот остатки виски и брызнул своему товарищу в лицо. Тот с трудом открыл глаза и часто задышал.

– В ваших картриджах был вирус, – нервно посмеиваясь, сказал виолончелист. – Новый штамм гепатита. Если через три часа не вколоть Эпивир, болезнь станет необратимой и постепенно убьёт костный мозг, – музыкант заметил, как кто-то ломанулся к двери. – Не пытайтесь убежать. Все выхо-

ды надёжно заблокированы. Вы в ловушке, леди и джентльмены.

Последние слова музыкант проговорил с особым удовольствием.

– Губильщик! – закричали гости. – Это же губильщик!

– Себя погубил и теперь нас хочет.

– Сумасшедший! Псих!

Мистер Фултон с трудом понимал, что происходит вокруг. Но встревоженный голос Кэролайн его почему-то успокаивал, позволяя сознанию и дальше странствовать в туманном мареве.

– Хотите спастись? – завлекаяще спросил виолончелист, приблизившись к мистеру Олсопу и приставив оружие прямо к его виску. – Мы вынесем препарат, только если вы возьмёте все свои миллионы и переведёте вот на этот счёт.

Музыкант свободной рукой достал пачку картонных визиток и швырнул в зал.

– А Клифф любезно проследит, чтобы все налоги были погашены государством.

– Ну уж нет, – воспротивился мистер Олсоп и зарядил виолончелисту под дых.

Парень, схватившись за грудь, выронил оружие, и глава Налогового управления не спеша поднял его, наставив на губильщика.

– Не на того напал, щенок. – процедил сквозь зубы мистер Олсоп. – Ты всё равно этого хотел, так что готовься умереть.

Но Клиффорд не успел выстрелить из потрёпанного люгера. Ему пробило пулей правую кисть, а сцену взяли в окружение молодые люди с жёлтой кожей.

***

Хантер шел по длинному плохо освещенному коридору. Через окно в самом конце едва пробивались лучи заходящего солнца. Напряжение в лампах было выставлено на минимум. Из-за этого они едва заметно мигали, вызывая дискомфорт.

Придется потерпеть. Электричество нужно экономить.

За последней дверью слева скрывался кабинет шефа. Хантер направлялся к Фергюсону, чтобы выслушать очередную гневную тираду о том, как плохо нарушать многовековой уклад жизни американского общества. Тем более, полицейскому.

Три стука. Будто пулеметная очередь.

– Войдите! – раздался приглушенный голос.

Хантер открыл дверь и оказался перед начальником бюро нью-йоркской полиции. Тяжелый взгляд из-под густых бровей не предвещал ничего хорошего. Массивная челюсть, плавно переходящая в галстук телесного цвета, открылась, и Фергюсон произнес:

– Сержант Томпсон!

– Да, сэр, – ответил Хантер с энтузиазмом, как приучили.

– Сегодня мои ребята опять засекли тебя за неподобающим действием.

Шеф говорил тихо, производя впечатление зверя, готового к броску.

– И что же они донесли вам?

– Лучше расскажи сам, – уперся Фергюсон. – Может, тебя хотели подставить. А я послушаю и сделаю выводы.

– Если вы о моем больном отце, то не услышите ничего нового, – сказал Хантер.

– Значит, не соврали, – пробормотал шеф и тут же завелся: – Я же говорил: выкинь из головы слова “отец”, “мать” и “семья”! Эти гнусные пережитки прошлого раскололи нашу страну. До сих пор собрать не можем. К тому же, твой родитель возглавляет вражеское бюро, и у меня есть все основания посадить тебя за коллаборационизм.

– Бойтесь, что разболтаю про валиум? – усмехнулся сержант. – Так на нем сейчас все сидят, не бойтесь.

– Томпсон, вашу мать! – прикрикнул шеф. – Это не шутки. Меня не волнует, что у твоего родителя рак. Он для тебя никто. Нет, он твой враг! Враг всей Кон-полиции.

Хантер промолчал и брезгливо покосился на свой серый мундир.

– Что, не нравятся нашивки? – спросил Фергюсон. – Если одного раза мало, могу разжаловать до рядового. Или упечь за решетку.

– Пожалуй, обойдусь, – ответил Хантер.

– Разумный выбор, – ухмыльнулся шеф. – Думаю, в твоих интересах сотрудничать. Я могу позволить встречи с родителем при одном условии.

– Слушаю.

– Мне нужна информация, – Фергюсон встал и оперся руками об стол. – Любая информация, которую можно вывести у отставного шефа Юн-полиции. Из первых рук. Ты же веришь в эти самые, как их... – начальник поморщился, – кровные узы. Вот и воспользуйся ими. Согласен?

– Будто у меня есть выбор, – пожал плечами Хантер.

– И ещё, – добавил шеф. – Сегодня выходишь на смену с Питом.

Сержант сжал кулаки, чтобы выдать из себя только:

– Слушаюсь.

– Тут тебе не север. Свободен, – произнес Фергюсон и уселся в кресло.

Персона Хантера больше его не интересовала.

Томпсон вышел из кабинета, стараясь закрыть дверь как можно тише. Разговор и так не заладился. К чему еще больше провоцировать начальство.

Безбашенный патруль – так называли работу с Питом Мэлварсом. Оперативник в штатском. Настолько отбитый, что уже не один год ездил по Бронксу в одиночку, меняя напарников как перчатки. Одни не выдерживали, другие гибли от шального заряда. А Пит никуда не девался, став константой, без которой, наверное, весь мир полетит к чертям.

Вот бы так и случилось.

Нужно подкрепиться. До смены всего час, ехать домой смысла нет. Хантер дошел до небольшой кухни и встал перед автоматом с едой. Через стекло на сержанта смотрели острые чипсы, шоколадные батончики, пакетики с сушёными кальмарами и мерзкий в своей липкости маршмеллоу. Достойный выбор. Томпсону часто приходилось питаться подножным кормом, что опасно приближало его желудок к гастриту.

Хантер остановился на чипсах со вкусом барбекю. Подошел к автомату, подставил руку. Из металлического корпуса вылезла игла и воткнулась в панель на внутреннем сгибе локтя. Капля крови отделилась от основной массы и пролезла в аустенитное острие, чтобы дать автомату питание. Кнопки загорелись. Сержанта зажал одну из них, пока упаковка с шорохом не упала в отсек для выдачи.

На удивление, чипсы оказались приятными. Или голод просто играл с рецепторами, заставляя радоваться любой отраве.

Хантер направился к своему рабочему месту. Почему Фергюсон вел себя так непоследовательно? Шантажом заполучив связного, тут же отправил его к Питу в патруль, рискуя упустить рыбу, которая уже на крючке. Для человека с таким опытом это непростительная ошибка, и нужно искать двойное дно.

Спрашивать о чем-то Мэлварса бесполезно, так что, придется думать самому. Главное – продержаться эту ночь.

Когда от чипсов осталось только сыпучее крошево, Хантер выкинул пакет и помыл руки. Над краном висело зеркало, и сержант позволил себе в него посмотреть. По ту сторону отражения стоял крепкий мужчина с глазами, полными усталости. Жизнь в этом мире выматывает, кем бы ты ни был. Но, если уж на то пошло, служить в полиции – намного лучше, чем постоянно сдавать кровь. Когда у тебя нет анемии, страдать почему-то легче.

Сумерки быстро переросли в ночь, и над управлением полиции сгустилась тьма. Здание стояло посреди залитого неоновыми огнями Манхэттена. Вокруг кипела жизнь. Ее отголоски просачивались в офис через толстые стеклопакеты, манили за собой, прельщали бриллиантовым сиянием витрин. Хантер сидел в полумраке и смотрел наружу, все еще силясь разгадать, чего добивается Фергюсон. Либо старик спятил, либо сегодня что-то произойдет.

Всё равно, выяснить можно, только отправившись в путь. Часы показали ровно восемь. Пит уже, наверное, подъехал к парадному входу в ожидании нового напарника. Предшественник Хантера уволился этим утром, назвав Мэлварса чокнутым. Это как надо постараться, чтобы парень променял полицию на жалкое существование среди доноров?

Лифт уже отключили, поэтому Хантер пошёл вниз пешком. Пролёт за пролётом, он преодолел все шестнадцать этажей и вышел к побитому форду черного цвета, из которого высунулась голова в широкополой шляпе.

– Где тебя черти носят? – спросил Пит.

– Подальше от таких как ты, – огрызнулся Хантер.

– Хорошее начало, – оперативник неестественно улыбнулся, обнажив гнилые зубы.

Томпсон открыл дверь и уселся рядом.

– Покончим с этим быстрее. Что у нас сегодня?

– Какой хваткий парниша, – Мэлварс холодно рассмеялся. – Может, продержишься больше одной ночи.

– Ближе к делу, – Хантер скривился от неприятного запаха в салоне.

– Бронкс, – Пит развел руками. – Что же еще.

Фары вспыхнули ксеноном, и тьма расступилась, впуская в себя обтекаемые формы автомобиля. При всей доступности современных технологий, безбашенный оперативник предпочитал рулить самостоятельно. Неведомо за какие заслуги, Мэлварсу раздобыли старенькую, но надежную модель – Форд Фокус. Агрессивный прищур машины хорошо дополнял образ сорвиголовы, намертво вбитый в подсознание каждого сотрудника Кон-полиции.

Уже много лет вместо дисциплинарных взысканий практиковалось выездное турне с больным на всю голову Питом. Сначала он был против напарников и гордо заявлял, что работает один. А потом к Мэлварсу попал Юджин Прайс – молодой сержант, который боялся крови. Иронично, не правда ли?

Пит нашёл своеобразное развлечение в постоянных при-

падках Юджина при виде малейшей царапины. Безбашенный специально заставлял сержанта стрелять в людей, провоцируя их на агрессию. В конечном итоге, Прайс выжил из ума и ушел к губильщикам, оставив привилегированную жизнь далеко в прошлом. А Пит как ни в чём не бывало продолжал свои безумные рейды на гетто, тайно лелея надежду узнать, что стало с бывшим напарником.

– Сегодня будет жарко, – предупредил Мэлварс, вырвав на Бруклинский мост. В глаза ударила яркая иллюминация тысячи ламп, рассыпанных словно звезды по стальным тросам. Сколько чужой крови уходило на освещение элитных районов – страшно представить.

– Сдается мне, ты так каждый день говоришь, – ответил Хантер.

– Ты точно не пропадешь, – ухмыльнулся Пит. – Слышал о вакуумной батарее?

– Да, – ответил Хантер.

Сержанту не нравилось, к чему вёл этот разговор.

– Кажется, я напал на след, – стал развивать мысль оперативник. – Нам нужно разведать одно местечко. Похоже, там разбили подпольную лабораторию.

– В Бронксе? – удивился Хантер.

– Понимаю, – кивнул Пит. – Маргинальный райончик, полно заброшек. Откуда там взяться ученым? Но взялись же.

Томпсон не переставал удивляться тому, с какой милой непосредственностью Безбашенный говорит о таких серьёз-

ных вещах. Кон-полиция уже битых два года не могла подступиться к подпольным учёным, которые своим изобретением могут разрушить всю экономику страны. А Мэлварсу, кажется, очень весело. И последствия его ничуть не заботят.

– Может, прежде чем туда соваться, нам стоит вызвать подкрепление? – осторожно спросил Хантер, рассматривая приборную панель Фордика.

Старая машина. В неё даже не установили редуктор для экономии крови. Сколько же у Пита запасов, если он так лихо разъезжает по городу?

– Ты как в первый раз, ей-богу, – кисло ухмыльнулся Мэлварс, иногда всё же обращая внимание на дорогу. – Я никогда не зову подкрепление. И никто меня не заставит. Даже если мне в голову высадят целый картридж, я всё равно не попрошу о помощи.

– Конечно, ты же будешь мёртв.

Пит обиженно надулся и больше не проронил ни слова.

– Пшш... помощь, – зашелестел радиоприёмник на пассажирском сидении. – Срочно... пшш.. у нас ЧП!

– Там что-то говорят, – проронил Хантер, указав пальцем на станцию.

– Да хоть обговорятся! – рявкнул Безбашенный. – Я на задании.

– Нет уж, – буркнул сержант и под негодующим взглядом напарника переложил приёмник себе на колени, выкрутив громкость до максимума.

– Всем свободным экипажи в районе Сохо! Срочно выдвигайтесь к перекрёстку Уоттс-стрит и Шестой авеню. Губильщики взяли заложников на благотворительном вечере. Приём, как слышно?

– Сержант Томпсон подтверждает. Буду через пять минут. Вместе с Питом Мэлварсом.

– О чёрт, – донеслось из побитого временем динамика.

– Довольно! – разозлился Безбашенный и резким движением выкинул станцию в окно. – Я никуда не поеду, сопляк.

– Тогда вы арестованы, – не растерялся Хантер и одел наручник на Мэлварса.

Глава вторая. Невада и Нью-Йорк

Клубок неоновых огней плавно разворачивался с приближением ночи. Вдоль улиц загорались вывески. Из окон звучала музыка. Едва касаясь дорог, летели автомобили. Огромные небоскребы вспарывали тучи шпилями, словно врачи – скальпелем. Роскошные казино открыли двери случайным посетителям, готовым поставить на кон самое дорогое – жизнь.

– Эй, Мэнс, – окликнул молодого майора полковник Хукер, вот уже пять лет возглавляющий управление Юн-полиции. – Зайди ко мне, будь добр.

Усатый мужчина с рубцом на левой щеке энергично последовал за боссом. Если уж Стэнли затеял разговор один на один, то повод более чем веский.

– Какие-то подвижки по делу? – сходу спросил майор Уитакер, приглаживая рукой жёсткие курчавые волосы.

– Мы нашли предполагаемую лабораторию, – довольно произнес полковник. – Возможно, именно там разрабатывают вакуумный аккумулятор.

– Вы считаете, всё настолько просто? – засомневался Мэнс. – Кто делал доклад?

– Парочка патрульных, – мрачно ответил Хукер. – Наткнулись на один из ливневых тоннелей и увидели как мер-

даёт что-то подозрительно похожее на сварочный аппарат. Вот и решили, что это оно...

С каждым словом полковник всё больше затихал, теряя веру в то что говорит. Ну глупость же, в самом деле. И перед Уитакером неудобно. Этот парень сочетает в себе цепкий ум и отсутствие сердца. С такой гремучей смесью шутки плохи.

– Пускай разведуют получше, – холодно произнёс майор, потянувшись к коммуникатору.

– Можешь не звать их, – вздохнул Хукер и тут же ответил на удивлённый взгляд Мэнса: – Они уже, вероятно, мертвы. Их доклад оборвался криком, а потом патрульные пропали со связи.

– Чёрт побери, да их в любом случае надо брать! – гаркнул парень и всё-таки вышел в радиоэфир. – Отряд Bravo, майор Уитакер. Код красный. Я повторяю, код красный. Общий сбор в арсенале через пятнадцать минут.

– Ладно, – только и сказал полковник, наблюдая, как Мэнс выскакивает из кабинета.

Горячая голова – ещё один порок, который опасен не столько для окружающих, сколько для самого майора.

Уитакер нёсся по коридорам как ехидна, углядевшая свежих муравьёв. Пятнадцать минут – слишком долгий срок, надо было дать не больше пяти. Но Мэнс оценивал способности коллег реалистично и не ставил невыполнимые задачи.

Юн-полиция в целом не отличается большим энтузиазмом. С развалом США северные штаты целиком и полно-

стью ушли в либерализм. А он не предполагает чересчур строгих рамок. Майора это бесит. Он всего лишь хочет от своих коллег дисциплины и капельку мозгов, но вместо этого получает пламенные речи о свободе самовыражения с последующим выговором от шефа.

И сейчас Мэнс просто хотел сделать свою работу. Быстро и качественно. Как принято у южан.

Однажды молодой полицейский заявил об этом во всеуслышание на очередной летучке, когда Хукер был гораздо больше озабочен выбором галстука для похода с женой в ресторан. Но такое сравнение почему-то не оценили, и шеф даже отвёл Мэнса в сторону, чтобы по-отечески объяснить ему, как тот неправ.

Сейчас же парню представился реальный шанс доказать, что его дерзкий нрав – не прихоть ребёнка, а неотъемлемая часть личности правоохранителя.

Единственное что могло ненадолго задержать Мэнса – нечаянная встреча с юной девой, которая только недавно получила настоящие погоны. С двумя лычками.

Выпускница полицейского училища стояла напротив автомата и притворялась, будто не может выбрать, что же ей купить.

– Майор Уитакер, – поздоровалась девушка.

– Капрал Рут Освальд, – отозвался Мэнс с улыбкой.

Впереди была опасная вылазка. Да и лёгкий флирт запросто мог обернуться иском о домогательстве. Но вдруг майор

ру страшно захотелось почувствовать себя нормальным человеком. Тем более, девушка специально задержалась возле буфета в ожидании Уитакера.

– Разрешите обратиться, – произнесла капрал как можно более официальным тоном, всё равно не способным скрыть симпатию.

– Разрешаю, – Мэнс вновь превратился в строгого лидера, чтобы не ляпнуть лишнего.

– Только не говорите сразу “нет”. Я здесь работаю уже полгода и даже побывала на одном задержании, во время которого сама обезвредила преступника и заковала его в наручники, хотя это было проблематично, особенно с учётом разницы в габаритах...

– Рут, – мягко перебил её Уитакер. – Ближе к делу, пожалуйста.

– Я хочу с вами, – невинным голосом проронила капрал.

– Там будет очень жарко, – предостерег майор девушку. – Это настоящие звери, раз они убили наших опытных бойцов.

– Я справлюсь, – уверенно провозгласила капрал. – Если буду постоянно сидеть в офисе, то ничему не научусь.

Мэнс узнал в юной девушке себя. Нельзя гасить в ней этот импульс, так что пришлось ответить:

– Хорошо, но только если ты обещаешь быть осторожной и не геройствовать.

– Спасибо, – просияла капрал Освальд и резко перевела тему: – Тогда позвольте угостить вас кофе.

– Угощай, – ответил майор, наблюдая за тем, как Рут подносит к автомату разъем на сгибе левой руки. Небольшая игла забрала каплю крови, и в лунку упал одноразовый стаканчик, куда сразу же потек тонизирующий напиток.

– Сахарку? – заботливо уточнила Рут.

– Береги силы, – покачал Мэнс головой. – Каждый миллилитр может стать решающим.

– Перезаряжусь, – беззаботно ответила девушка, и с кончиков её пальцев посыпался сахар, ради которого организм съест ещё немного крови. После этого кофе ещё и посветлело. Рут материализовала молоко прямо внутрь напитка.

– Спасибо, – сказал майор Уитакер с лёгкой укоризной и, перед тем как сделать глоток, добавил: – Твоё здоровье.

Нужно было продумать план действий и довести его до личного состава. Причём, хорошо бы план не только поняли, но и привели в исполнение. Расхлябанные юн-полицейские обычно пользуются универсальным оправданием: как платят, так и работаем. Для частного учреждения, которое блюдет интересы ограниченной группы лиц, это, может, и легитимная отмазка. Но когда речь идёт о глобальном правопорядке, нужно поступиться меркантильностью и напомнить себе о существовании таких понятий как честь и долг.

Всего несколько лет назад невозможно было представить, что в центре Лас-Вегаса могут просто так расстрелять патрульных. Причём, подозреваемые по делу об альтернативной энергии.

Как только Томпсона-старшего подсадил Хукер, началась необратимая деградация всей правоохранительной системы. Майор Уитакер был уверен в этом не меньше, чем в острой необходимости уничтожать губильщиков.

– Пора идти, – распылив в руке стаканчик, коротко сообщил Мэнс и направился к арсеналу.

– Если вы не хотели меня припугнуть, то... насколько опасен этот рейд? – спросила капрал, стараясь следовать за майором в ногу.

– Смотря, по какой шкале, – серьезно ответил Уитакер.

– От одного до десяти.

– Тогда, – майор на секунду задумался, – одиннадцать.

Под арсеналом служители закона подразумевают большой склад формы и стоянку военной техники. Здесь давно нет оружия в привычном понимании, но слово прижилось до того крепко, что здание всё равно продолжают так называть. Хотя гораздо уместнее было бы говорить “ангар”.

Когда Мэнс и Рут вошли, команда уже готовилась выдвигаться. Майор как раз получил от Хукера координаты и приступил к брифингу. Несколько миллилитров крови ушло на громкий голос.

– Отряд Bravo, майор Уитакер. Наша цель – вход в ливнёвку на Дин Мартин Драйв. Там убили наших патрульных. Есть вероятность, что за этим стоят губильщики.

Последнее слово отозвалось пульсирующей болью в висках. Ни один полицейский, тем более, из северян, не хотел

прямого столкновения с отщепенцами, которые портят свою кровь, лишь бы она не представляла ценности. А уж тем более устраивать облаву на сеть тоннелей под городом, которые служат губильщикам цитаделью.

– Защищайте своё тело всеми способами, – продолжал говорить Мэнс. – Обязательно используйте противогазы. Мало ли, какую дрянь они распылят. Не попадайтесь им под руку. Используйте только наши официальные картриджи. Я не могу гарантировать, что все выживут. Но моя прямая обязанность – напомнить, что ваша жизнь в ваших руках. Берегите себя.

Перед майором стояли десятки растерянных людей. Мэнс перевел взгляд на Рут. Она единственная томилась в предвкушении настоящего дела. Наивная девчонка. Не знает, куда лезет.

– А теперь за дело, – закончил Уитакер и сжёг ещё каплю крови, чтобы придать голосу прежнюю громкость. – Сколько у нас запасов, Питер?

– Мы сложили в салон всё что нашли, – приблизившись к майору, затараторил низкорослый капитан. – В каждый уголок заглядывали.

– Так сколько? – спросил Мэнс с нажимом.

– Плюс-минус двадцать картриджей каждой группы, – сдавленно ответил Питер.

– Капитан Смитсон! – крикнул майор так громко, что уже пожалел о потраченной на усилитель крови. Он и так хорошо

звучит, если довести. – Вы что, не заказали новую партию в конце месяца?

– Виноват, – упавшим голосом отозвался коротышка.

– Ты вообще понимаешь, чем это чревато? – грозно спросил Мэнс, прихватив Смитсона за грудки.

– Так точно, майор...

– Всем экономить магию! – на этот раз Уитакер обошёлся без лишних фокусов с громкостью. – Слышите? У нас кровь на исходе. Не используем заклинания без крайней нужды!

Усевшись в фургон, Мэнс проверил личные запасы. По картриджу в каждом кармане на бедрах и руках. И еще один в нагрудном. Всего пять. Плюс еще один из общих запасов. У половины личного состава первая положительная группа, и придётся делиться. Хорошо, Рут досталась гораздо более редкая – четвёртая отрицательная. Таких в отряде Bravo всего двое. Идеальные реципиенты. Если у капрала Освальд закончатся картриджи, она может использовать любой другой. А остальным рисковать нельзя.

Фургон медленно взмыл вверх и устремился к Дин Мартин Драйв, облетая хорошо освещённые небоскребы. Город погрузился в тревожную тишину. Улицы замерли с недобрым предчувствием. Ничего не подозревая, люди нежились в своих уютных квартирах. И где-то там, в бесконечных лабиринтах канализации, заражённые губильщики наблюдали, как полиция летит убивать.

Тедди Миллер был хорошим мальчиком. А с чего ему не быть хорошим, когда посчастливилось родиться в благополучной семье? Отец вечно пропадал на бизнес-ланчах, стремясь обеспечить достойный уровень жизни. Мать занималась исключительно собой и ещё иногда сыном.

Большинство людей лишены и этого. Их постигает совсем другая участь в виде соцработника в серой униформе, который уносит малыша от родителей. Навсегда.

Но Тедди – из элитных детей, которым неведомы новые устои общества. Семья Миллеров высоко ценила преемственность поколений и ни за что бы не позволила её разорвать. Тем более, что этого и не требовалось. Воспитательные дома – исключительно для доноров и отмирающего среднего класса.

Отец семейства, Генри Миллер, возглавлял одно из ведущих изданий “Кон-ньюз”. Попасть на первую полосу тогда значило сорвать джек-пот. В мире неуёмных дельцов и по сей день рейтинг – это всё, а уж в те махровые две тысячи сто девяностые – и подавно.

Правда, Генри занимался в основном административными вопросами, оставляя наполнение выпусков за своим другом, шеф-редактором Уолтером Бенсоном. А уж Уолтер как никто разбирался во всех веяниях и тенденциях, подсказывая Миллеру, с кем договориться об эксклюзивном интервью

и кого шантажировать ради получения льгот.

За Генри оставалось и право вето, которым он обязательно пользовался, когда чувствовал, что Уолтер собирается нарушить журналистскую этику и выдать ангажированный выпуск. Это, конечно, било по карману издания, но, как говорил сам Миллер-старший, репутацию не купишь.

Мальчик привык, что папа после очередной удачной сделки врывается в дом с победным возгласом:

– И-иха! Тедди, Тедди, Тедди, мы опять сорвали куш!

Выдав фирменную фразу, Генри обязательно брал сына на руки и кружил его, приговаривая:

– Однажды это всё станет твоим. Но сначала что надо, Тедди?

– Учиться! – бойко отвечал ребёнок, во всём желая походить на отца.

Только время не стояло на месте. Генри возвращался домой всё более усталым – то ли куш больше не срывался, то ли Уолтер постоянно подводил, договариваясь с конкурентами за спиной. Да и Тедди больше не радовал. Однажды Миллер-старший с удивлением обнаружил, что сын растёт совсем другим человеком, а не его копией.

И открытие это случилось во время семейной трапезы, когда горничная Хельга подавала второе блюдо.

– Тедди, я проходил мимо твоей комнаты и слышал музыку, – неловко начал разговор отец, уже чувствуя пропасть между собой и молодым человеком, сидящим напротив. –

Ты нашёл мою старую коллекцию винила? Нравится?

– Нет, папа, – ответил парень, играя желваками.

– А откуда тогда музыка играла? – неестественно развеселился Генри. – Бэтс, у тебя в ванной, что ли?

– Дорогой? – переспросила жена, оторвав глаза от очередного модного журнала.

– Это ты слушала прелюдию Баха в соль мажоре? – начал закипать Миллер-старший. – Пока лежала в ванной.

– Я не слушаю музыку, Генри, – пожалла плечами Бэтс и опять уткнулась в журнал, предварительно наколов на вилку горошек.

– Тогда что это было? – отец семейства попытался взять себя в руки и сбавил уже начавший подниматься тон. – Может, я просто заработался?

– Вот уж точно, – съязвил Тедди, набирая в ложку большую порцию рагу.

– Славно поговорили, – хотел было пошутить Генри, но только вызвал этим у сына вспышку гнева.

– Мы уже давно только так и разговариваем, папа!

От неожиданности Бэтс выронила журнал из рук.

– В чём дело, Тедди? – мягко спросил отец. – Расскажи, что случилось?

Вот только вычитанные у супругов Кэпрару советы по воспитанию не сработали, и парень разразился гневной тирадой.

– Хочешь знать, откуда музыка? Правда хочешь, пап? О,

тебе не понравится, – Тедди встал со стула, и опытная Хельга тут же ретировалась из столовой прямо с панна-коттой в руках, так и не донеся её до семейства. – Я уже второй год беру частные уроки по виолончели. Но ты так занят своим долбаным “Кон-ньюз”, что ничего не заметил. Всё это время не замечал. Папа, тебя никогда нет рядом!

Бэтс смотрела на сына с недоумением. В её мире всё было хорошо: муж добывает деньги, она их благополучно тратит. Разве не для того нужна семья?

– Это... отличное хобби, – выдавил из себя улыбку Генри, продолжая гнуть линию заботливого отца. – Я рад, что у тебя появилось занятие, которое может скрасить время.

Здесь разговор мог бы вполне благополучно закончиться. Следуя наставлениям опытных детских психологов, которые жили чуть ли не три века назад, Миллер-старший погасил инерцию конфликта, не давая почвы для новых склок. Гораздо труднее продолжать скандалить, если нет отдачи и оппонент не взвинчен.

Но Генри не знал и половины происходящего, так что его тактика споткнулась об ложный посыл и привела к разрушительным последствиям.

– Это не хобби, отец! – закричал Тедди, словно это могло придать словам ещё больше значимости. – Я собираюсь стать музыкантом.

– Но как же... – Миллер-старший осёкся, но всё-таки договорил: – Как же “Кон-ньюз”?

– Не знаю, – задумался парень на секунду. – А нет, знаю. В жопу себе засунь.

– Тедди! – показушно запищала мама, но всё без толку.

Юный отпрыск благородного семейства вышел из столовой, по пути взял десерт с подноса Хельги и поднялся по деревянной лестнице к себе в комнату.

Позже Тедди вспоминал об этом разговоре с содроганием и болью. Но разве можно было предугадать, что совсем скоро Миллеров ждал крах?

Беда пришла, откуда Генри в какой-то мере и ждал, но всё-таки надеялся, что именно оттуда она не придёт.

Друг детства, соседский мальчишка-сорванец, а потом и шеф-редактор “Кон-ньюз” Уолтер Бенсон вышел из такси и расплатился каплей крови, подставив под иглу правое запястье. Как и в любом хорошем нуаре, улицы Нью-Йорка накрыло дождём, а красный неон прожигал сетчатку, расплываясь синими пятнами, если закрыть глаза.

Мистер Кью всегда выбирал для встречи оригинальные места, только на этот раз он превзошёл сам себя. Человек в длинном плаще и шляпе стоял посреди внутреннего дворика отеля “Мариотт”. Прямо у мусорных контейнеров. Из окна половины номеров открывался вид на хмурый Бруклинский мост, но здесь едва можно было разглядеть даже мозаичные стены здания.

– Документы у вас? – вместо приветствия спросил мистер Кью.

– Задаток у вас? – деловито осведомился Уолтер.

Оба собеседника молча достали полиэтиленовые пакеты, обменявшись недоверчивыми взглядами.

– Вот, – первым свою часть сделки протянул шеф-редактор.

Бумага давно не пользовалась спросом, но это был единственный шанс передать информацию, не рискуя быть отслеженным. Только ливень не давал вытащить папку из пакета, иначе бы всё размокло и превратилось в бесполезный мусор, который годился бы только для упокоения в соседнем контейнере.

– Здесь всё? – на всякий случай уточнил мистер Кью, забрав документы.

– До последней буквы, – с неохотой проговорил Бенсон.

Всё-таки, тяжело предавать того, кто тебе доверял столько лет.

– Тогда это вам, – человек в плаще протянул Уолтеру свой пакет с запасами концентрированной крови и ушёл.

Шеф-редактор заглянул внутрь, чтобы проверить группу. Но обнаружил только пустые картриджи без серийных наклеек. А потом едва слышно простонал и растянулся на асфальте под нескончаемыми каплями дождя.

Мистер Кью склонился над телом и осторожно наполнил картриджи из разъёма на запястье. Удобно, что их делают двусторонними.

Закончив работу, человек в плаще оставил Бенсона на дне

мусорника и растворился под дождём с обоими пакетами в руках.

На следующий день в дом Миллеров ворвалась Кон-полиция. Здоровые мужики в серой форме бесцеремонно выбили дверь и проникли внутрь, до смерти напугав Хельгу.

– В чём дело? – грозным тоном поинтересовался Генри у служителей закона, держа за спиной взведённый конвергентор.

– Дело в вас, господин Миллер, – самодовольно протянул Клиффорд Олсоп, входя в дом вслед за прикормленной полицией. – Давайте я не буду тянуть время и скажу сразу. Вы, Генри Миллер, обвиняетесь в уходе от налогов и шантаже должностных лиц моего ведомства.

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, – спокойно ответил владелец “Кон-ньюз” и снял палец с иглы конвергентора.

– По закону адвокат предоставит государство, – упиваясь своим положением, пояснил мистер Олсоп. – На ваших руках кровь некого Уолтера Бенсона. Говорят, он вчера хотел рассказать полиции о ваших тёмных делишках, но вместо этого его тело нашли возле отеля “Мариотт”.

– Но причём тут я? – ошарашенно спросил Генри.

– Это мы сейчас и выясним. Обыскать, – приказал мистер Олсоп полицейским.

Через каких-то десять минут в доме Миллеров обнаружили неучтённые картриджи с кровью. Анализы показали,

что она принадлежит покойному Уолтеру Бенсону.

Судье не понадобились других доказательств, чтобы вынести владельцу “Кон-ньюз” смертельный приговор. Генри Миллера спешно казнили инъекцией глутамината, его спятившую жену увезли в дурдом, а уже почти совершеннолетнего Тедди отдали в муниципальный приют.

Парню в качестве исключения разрешили забрать с собой виолончель.

А Клиффорд Олсоп передал “Кон-ньюз” в правильные руки, как он сам и заявил. Не замаранные кровью честных граждан, которые просто хотели исполнить долг перед Отечеством.

Шли годы. Миллер-младший оттачивал музыкальное мастерство и даже попал в камерный оркестр небольшого заходлустного театра. Вместе с коллегами его обязали регулярно сдавать кровь на нужды элиты.

Но Тедди хорошо помнил, кто разрушил его семью, и ни за что не хотел их содержать. А значит, выход был только один – вколоть себе вирус гепатита и уйти в губильщики.

Эту операцию они готовили целый год. С предыдущего выступления начальника Налогового управления на вечере благотворительности. Тедди выбили поддельный паспорт, чтобы он смог устроиться в квинтет Карнеги-холла, который регулярно вывозят в Сохо. Другие губильщики тоже устроились кто во что горазд: поварами, охранниками, прислугой. Главное было – вовремя наносить тональный крем, чтобы

скрывать нездоровую желтизну.

Тедди ждал этого момента с трепетом. В его голове всё время повторялись слова, которые он сгоряча адресовал своему отцу. С тех пор они так и не помирились, а Клиффорд Олсоп навсегда отнял эту возможность.

Убив себе гепатитом костный мозг, Тедди больше не мог рассчитывать на магию крови и поэтому прицепил к задней стенке виолончели старенький люгер, который стрелял исключительно пулями.

Вот только поганый мистер Олсоп оказался проворнее и сам завладел оружием, наставив его на бедного паренька.

– Что такое, Тедди? – спросил Клиффорд, поглядывая на отряд губильщиков, окруживших сцену, и перехватил ствол здоровой рукой. – Тебя больше не устраивают наши порядки?

Виолончелист пыхтел от злости, но хранил молчание. Он надеялся, что губильщики сейчас откроют огонь и решат судьбу мистера Олсопа. Но Клиффорд продолжал вещать:

– Пока ты рос в зажиточной семье, тебя не беспокоило, как живётся донорам. А теперь смотри, кем ты стал. Борешься за мир во всём мире. Настоящий герой. Только знают ли твои друзья, что всего несколько лет назад тебе было на них глубоко насрать? И они сдавали свою кровь, чтобы содержать в том числе и тебя?

Никто не двинулся с места. Клиффорд почувствовал себя ещё увереннее. Он обошёл Тедди и заглянул парню в глаза.

– Решил всё-таки отомстить палачу своей семьи? Правильно, вали всё на меня. Это же я заставлял Генри шантажировать моих замов. Сам копался в их грязном белье и собирал компромат.

Мистер Фултон всё это время чувствовал себя в бреду. Но сейчас его недомогание достигло пика, и молодой человек в цилиндре уколол палец иглой конвергентора, чтобы уже через секунду выпустить заряд в Олсопа. Но рука от волнения дрогнула, и вся мощь отравленной крови ударила в бедного Тедди.

Глава третья. Сказка на пять минут

Старый Фордик пересекал безлюдные кварталы, оповещающая сине-красными огнями о своём присутствии. Сирена давно сломалась, но Мэлварса это даже забавляло. Так можно легко подкрасться к преступникам и наделать шороху прямо изнутри их группировки.

Но сейчас Питу было не до смеха. Он сидел на пассажирском месте, заботливо пристёгнутый наручниками к двери.

И как только Хантеру удалось его побороть? Всего пару минут назад они ругались как нормальные напарники, а дальше слово за слово, и... Притом что с виду этот зарвавшийся сержант ну никак не тянет на бодибилдера. Даже на легкоатлета сомнительной категории!

Полицейские молчали всю дорогу, до самого зала приёмов “ДНК Праздника”, по иронии судьбы возведённого на месте центра генетических исследований. Только поставив машину на ручник, сержант Томпсон позволил себе заговорить с Безбашенным.

– Ну что, мир? – спросил Хантер, демонстративно поглядывая на огромное скопление тачек с мигалками и полицейских, посреди которого припарковался.

Мэлварс ничего не ответил и продолжал обиженно сопеть. Но эта проблема и яйца выеденного не стоила, потому что

сержант Томпсон моментально нашёл подход к уязвлённому герою вечера:

– Здесь серьёзная заварушка. Думаю, нам удастся хорошо оттянуться.

С этими словами Хантер протянул Питу конвергентор, который предусмотрительно достал у него из куртки при задержании.

Сопение Мэлварса стало чуть менее обиженным, но оружие он не взял, выражая лицом немой протест с примесью озорства.

– Ах, да... – Хантер шлёпнул себя по лбу. – Наручники.

Для полиции, конечно, уже давно разработали гораздо более совершенные браслеты на чистой магии. Но конвергенторы и так пили много крови, поэтому сам Фергюсон брезгливо обозвал это блажью и приказал запереть партию волшебных наручников в любой ненужной подсобке, а ключ потерять.

Когда Хантер отстегнул пленника от двери, Пит сразу стал гораздо разговорчивей.

– Пошли, надерём им задницы, – прохрипел Безбашенный, вываливаясь из Фордика.

Квартал, обрамляющий зал приёмов, целиком оцепили полицейскими тачками и КонБР-овскими фургонами, между которыми зачем-то протянули жёлтую ленту с надписью “Место преступления, не пересекать”. Сержант Томпсон окинул это безобразие скептическим взглядом и пролез под

лентой, сразу оказавшись в толпе служителей закона. Мэлварс проследовал за ним, чувствуя себя на побегушках и пытаясь от этого не закипеть. Всё-таки не хотелось ещё раз оказаться в кандалах, да ещё и так унижительно.

Фары машин горели на полную мощь. Легавые через усилители хором упрашивали губильщиков выйти с поднятыми руками. Хантер отметил про себя кошмарное расточительство – а вдруг будет нечем отбиваться? Но ничего говорить не стал, чтобы не встрять в очередной скандал. А то добрые сослуживцы уже наступали о встречах Томпсона с большим отцом. И ждать от них можно чего угодно.

– Хантер, какого чёрта? – сразу набросился на сержанта лейтенант Дэвис. – Ты зачем притащил сюда этого психа?

Хорошо что Пит уже заелся с другим копом и не слышал эту реплику. Иначе бы разборка началась прямо здесь, рискуя не добраться до зала приёмов. А ведь там сейчас в заложниках основные инвесторы. И будет очень нехорошо, если они всё-таки расторгнут контракты с Кон-полицией и перейдут на частных телохранителей-мордovorотов. Об этом давно ходят разговоры, но Фергюсон привычно уверяет сотрудников, что это не более чем грязные слухи, которые распространяют агенты северян.

– Джейк, мы были в патруле, – как можно более спокойно сказал Хантер. – Поступил вызов. Я его принял. И вот мы здесь. Конец истории.

– А за что тебя с ним поставили? – хохотнул лейтенант,

изображая, будто не знает ответа.

– Он сам попросил, – ошарашил его сержант Томпсон. – Да, Пит? Я спрашиваю, да, Пит?!

Хантер очень вовремя схватил за шиворот напарника, который уже заносил руку над лицом бедного капитана Баркли, отпустившего очередную колкость в адрес Безбашенного.

– Стейси и от тебя сбежит, подонок! – взревел Пит от бессилия, когда вспомнил, где он находится.

Но это не помешало ему плюнуть в лицо капитана. Мэлварса подмывало стереть надменную ухмылку с лица Ричарда, и он готов был сделать это любой ценой.

– Ты так и не научился держать себя в руках, – зацокал языком Баркли, вытирая лицо от попавших на него капель. – Поэтому она и ушла от тебя, Пит. Поэтому от тебя жена ушла!

Хантер уже и сам хотел врезать капитану, но благоразумно уволок Мэлварса подальше, приговаривая:

– Не стоит оно того. Не надо.

Несколько полицейских, увидев эту сцену, рассмеялись, дополнив происходящее не самыми умными словами вроде:

– Настоящая мужская дружба!

– Эй, Пит, может, на нём женишься?

И самое страшное:

– Вам бы в Неваду, голубки...

Предложение уехать в наиболее либеральный штат Союза – равносильно личному оскорблению, за которое во времена

Гражданской войны можно было попасть на дуэль. Но уже четыре века прошло, и теперь вопросы решаются гораздо более цивилизованно. Ну, по меркам рухнувшей страны, обе половины которой живут благодаря сбыту донорской крови на всех уровнях.

– Ах ты старый хрыч! – всё равно кричал Безбашенный вслед. – Ещё раз встретимся – урою!

– Пошли уже, – сказал Хантер напарнику и оттащил его как можно дальше от самодовольного капитана.

– А ты не думай, что умнее меня, салага, – процедил Мэлварс сквозь зубы. – Я просто сегодня не в форме, вот и не наkostenялял ему как следует.

– Хорошо, хорошо, вы не в форме, – согласился сержант Томпсон, наконец отпустив Пита.

С умалишёнными всегда надо соглашаться, иначе жди беды.

– Губильщики! – разносилось по улицам объявление из полицейских динамиков. – Мы знаем, что вы внутри. Выходите с поднятыми руками, и никто не пострадает!

– Достали уже, – зло произнёс Марк, продолжая латать рану товарища портативным заживителем.

Это, увы, не панацея, но на первое время сгодится и хотя бы не позволит просто истечь кровью.

Когда мистер Фултон попал в Тедди, губильщики немедленно оттащили музыканта в сторону. А Лидия, совсем юная девушка, пользуясь моментом, пока Олсоп приходил в себя,

стукнула его по голове. Мужчина охнул и распластался на сцене под испуганные возгласы публики. Остальные диверсанты направили свои пушки в зал, требуя заткнуться.

– Отличное попадание! – поддержал Джейкоб товарища, улыбнувшись во всю бороду. – Где вы этому научились, Майлз?

– Я только всё обострил, – мистер Фултон обильно покрылся потом от волнения.

Липкие капли заглушили поры, усиливая чувство подступающего удушья.

– Эй, вы! – закончив с Тедди, обратился к публике белобрысый губильщик. – Кто стрелял?

Смелые дельцы, бездушные воротилы и даже их фривольные дамочки вроде Кэролайн, – все моментально замолчали, как будто на похоронах президента.

– Ну же, признавайтесь, – сквозь недобрую ухмылку протянул Марк. – Мы всё равно это так не оставим. Да, друзья?

– Ни грамма нашей крови! – хором проскандировали губильщики свой знаменитый слоган. – Ни грамма нашей крови!

– Видите? – продолжал Марк. – Сегодня мы изменили собственному принципу. Вернее, кто-то из вас не удержался перед соблазном подстрелить желтокожего мерзавца. Так ведь, дамы и господа?

Белобрысый губильщик поднялся на мини-сцену, демонстративно жестикулируя руками. В обеих лежало по писто-

лету. Один был Марка, другой он вытащил у ослабшего Тедди.

– Давайте так, – предложил диверсант, слегка возвышаясь над публикой. – Пока наш меткий ковбой не признается, каждые пять минут я буду ранить одного случайного человека из зала. Договорились? Ну и ладненько. Время пошло.

– Не признавайтесь, – шепнул Джейкоб товарищу. – Молчите до последнего.

– Но... я... – замямлил Майлз в нерешительности.

– Тс-с, – дополнила Кэролайн совет любовника, изо всех сил вцепившись мистеру Моррису в руку.

Они из той породы людей, которая до последнего верит, что несчастье чудесным образом их обойдёт. И сейчас Джейкоб с Кэролайн, как и все остальные гости вечера, были верны себе, несмотря на критическое положение.

Тем временем за окнами разгоралась новая перепалка, эпицентром которой стал уже Хантер.

– Они там сейчас всех поубивают! – праведно возмутился сержант. – Надо пойти внутрь, пока не поздно.

– Остынь, – попросил майор Джарвис, руководитель операции, чем-то напоминающий Альфреда Хичкока. – Вечно вы, молодые, лезете куда не надо.

– Но там же люди! – активно размахивая руками, вопил сержант Томпсон.

– Это верно, Тони, – вдруг поддержал Мэлварс напарника. – Что это мы отсиживаемся, как испуганные девчонки?

– Для тебя – сэр Энтони Джарвис, – смерив Пита высокомерным взглядом, отчеканил майор и затем обратился ко всем через усилитель: – Всем оставаться на своих местах. Кто рыпнется – пристрелю на месте!

Подавляющее большинство полицейских выразили молчаливое согласие, а то и кивнули в ответ. Но Хантер ещё больше разбушевался:

– Ничего, что вас услышали губильщики?.. Сэр!

– И? – недовольно спросил майор Джарвис, всем своим видом показывая, как его достали идиоты вокруг.

– Ты только что запретили им покидать помещение, Тони, – прохрипел Пит, обнажив свои гнилые зубы

Майор переменился в лице и, пытаясь овладеть собой, снова прильнул к микрофону в надежде спасти положение:

– Это я не вам, губильщики. От вас по-прежнему требуется выйти с поднятыми руками!

Никто уже давно не вслушивался в то, что лепечут трусливые копы. Их объявления перешли в разряд фонового шума, поэтому диверсантам было плевать, что адресовано им, а что не им.

– Пока мы все ждём нашего смельчака, давайте я расскажу сказку, – предложил Марк. – Коротенькую, буквально на пять минут.

Джейкоб, склонившись к мистеру Фултону, прошептал:

– Они там все психопаты, друг мой. Уверяю, вы не пожалеете, если ещё раз...

– Прошу, помолчите, – едва слышно простонал Майлз, опасаясь новой эскалации.

– Жила-была маленькая принцесса, – не без удовольствия приступил к рассказу белобрысый губильщик. – И звали её, допустим, Лидия.

– О господи, – сказала себе под нос юная девушка, сжимающая руку Тедди. Собравшись с силами, она громко обратилась к Марку: – Не надо! Незачем им знать.

– Как это незачем? – мягко спросил он, продолжая смотреть в зал. – Пусть узнают, почему они так задолжали нам. Или ты хочешь помешать общему делу?

Девушка осеклась и часто заморгала большими глазами с желтизной в белках.

– Так вот, у Лидии была чудесная мама. Скажем, мисс Маргарет Пэкстон. В молодые годы Маргарет хотела покорить Бродвей. Но всё, чего она добилась, – были редкие выступления в грязных кабаках. Там-то у неё и случился...

– Марк! – взмолилась девушка, едва не плача.

– Роман, – немного подумав, выдал губильщик цензурную версию. – И вместо какой-никакой певческой карьеры Маргарет получила живот с принцессой внутри. Автор сего чуда, конечно же, сбежал, опасаясь, что его репутация добропорядочного члена общества может рухнуть, если кто-нибудь прознает о его ребёнке на стороне. А беременность... ну вы же знаете, что она делает с организмом женщины?

– Какой подлец, – прокомментировала это выступление

Кэролайн. – Я только поэтому до сих пор... Джейкоб, только поэтому...

Мистер Моррис безмолвно обнял свою спутницу, что было совершенно не в его духе. Обычно он подменял все чувства похотью, но сейчас Джейкобу в кои-то веки захотелось побыть самим собой.

– У Маргарет не просто упали эритроциты, сделав её кровь почти полностью бесполезной, – Марк буквально бросал каждое слово в толпу, надеясь создать нужное эмоциональное состояние. – Нет, дамы и господа. Всё было намного хуже. У мисс Пэкстон обнаружили анемию. Это не помешало ей родить дочь, но навсегда повредило сердце дистрофическими изменениями.

– Мы-то тут причём? – спросила сварливая барышня, несмотря на толпу навалившихся родственников, которые пытались уберечь её от такого опрометчивого шага.

– Казалось бы, действительно не причём, – благодушно отозвался Марк. – Но если я продолжу, вы сами всё поймёте. Так могу ли я продолжить, мэм?

Последнюю фразу губильщик произнёс гораздо твёрже, что послужило намёком на правильный ответ.

– Да, конечно, – согласилась барышня после нескольких заметных тычков от окружающих людей.

– Доноры, по вашему разумению, недостойны заводить семью, – провозгласил Марк, не переставая расхаживать по сцене. – Куда нам, простакам, до вас. Но Маргарет оказа-

лась не такой послушной, как хотелось бы присутствующим в этом зале. Да-да, можете не галдеть, я знаю, как вы возмущены. Маргарет прекрасно понимала, что отец Лидии и сам не заинтересован в огласке, поэтому оставила дочь себе, пряча от посторонних глаз. Правда, всё больше похоже на сказку?

Теперь уже мистер Моррис вытирал пот со лба. Это начал действовать вирус, подбираясь к клеткам организма вплотную.

– Да почему они не заходят? – спросил Джейкоб. – Полицаи эти долбаные. Они должны защищать нас от этих!

– Дорогой, уймись, – не выдержала Кэролайн. – Они профи. И знают своё дело гораздо лучше.

– А теперь поставьте себя на место несчастной мисс Пэкстон. Сердце ни к чёрту, кровь бесполезна. И сверху на это всё – орущая принцесса, которую надо кормить. Что бы вы сделали на её месте? Ах да, ничего бы не сделали, потому что никто их вас на её месте бы не оказался. Никто! Но Маргарет была совсем из другого теста. Она устроилась уборщицей в банк крови. Её взяли на работу даже с таким больным сердцем, потому что страховка донорам всё равно не полагается. Расходный же материал. Я всё правильно говорю, дамы и господа?

Томпсон стал потише, но всё равно не мог смириться с происходящим, поэтому и дальше зудел на ухо майору:

– Ну чего же вы ждёте, господа? Там всех поубивают, пока

мы торчим снаружи.

– Хантер, заткнись! – попросил лейтенант Дэвис, услышав краем уха, о чём говорит сержант. – Хочешь, чтобы нас перебили, и сюда вторглись северяне?

Джейк, глядя на то, как Энтони отгавкивается от Томпсона с Безбашенным, осмелел настолько, что впервые позволил себе упомянуть косвенную причастность Хантера к Юнполиции.

– Лейтенант Дэвис! – вдруг вспылил майор. – Оставьте личные разборки за кадром. Тут вам не шоу Опры, а серьёзная миссия!

– Миссия? – приснул Пит, щурясь от бесконечных мигалок вокруг. – Какая миссия? Стоять и бояться, что ли?

– И ты заткнись, Мэлварс! – тут же перенаправил свой гнев Тони. – Да за что вы все свалились на мою голову?

Пока полицейские препирались, Марк подводил историю к долгожданному катарсису.

– Маргарет стала подворовывать пакеты с кровью. Причём, не с какой-нибудь, а с концентрированной. С такой же, которую вам за бесплатно раздал этот ублюдок, – губильщик пнул ногой лежащего без сознания Олсопа. – Так она надеялась прокормить Лидию и заодно подлечить себя. Но счастье продлилось недолго, и мисс Пэкстон схватили на горячем. Прямо во время очередной кражи. Один из ваших хвалёных полицейских, между прочим. Похоже, они могут тягаться только с больными женщинами. – Марк усмехнулся от собственной

шпильки в адрес элиты. – Конечно же, любимое вами правосудие без проволочек сунуло Маргарет за решётку медленно угасать. А на все её стенания об оставленной дочери никак не отреагировало. Знаете, как Лидия выжила?

Губильщик позвал девушку взглядом на сцену. Только она не собиралась отходить от Тедди, который только-только начал приходить в себя и зашевелил губами в попытке что-то сказать.

– Иди сюда, я сказал! – гаркнул Марк, напугав публику ещё больше.

Лидия послушно выполнила приказ, очутившись рядом с истинным ведущим этого вечера. Ей совсем не хотелось быть живой иллюстрацией несчастий губильщиков, но сумасшедший мужчина не оставил ей выбора.

– Наши люди во время очередной вылазки в город случайно услышали странные звуки в одном из домов. И, если бы они не обратили на это внимание, если бы просто прошли мимо... Лидия бы сейчас не стояла рядом со мной. – Марк провёл дулом по лицу девушки и опять нацелил пистолет на публику. – Посмотри на них, милая. Загляни в глаза каждому, кто виноват в смерти твоей матушки.

Мистер Фултон отчётливо понял, что Лидия ушла в губильщики не по своей воле. Возможно, её заразили гепатитом ещё совсем в раннем детстве. Сколько бедняжке вообще осталось...

– Лидия, – опять обратился Марк к девушке. – Может

быть, ты кого-нибудь узнаёшь в этом зале? Того, кто может быть причастен к твоему несчастному прошлому.

Вирус уже основательно взялся за публику, и людям начало становиться совсем дурно. Кто был покрепче – собрались с силами и уселись обратно на кресла и диваны. Кто не мог похвастаться конским здоровьем – начали падать прямо на пол, обессиленные подступающей болезнью.

– Ладно, брось это, – усмехнулся Марк. – Ты всё равно была тогда совсем маленькой и не можешь ничего помнить. Но зато, благодаря нашим кротам в Кон-полиции, мы доподлинно установили, кто же на самом деле твой отец. И это...

Белобрысый губильщик направил оба люгера на бородастого мужчину в объятиях красивой, но стервозной дамы.

– Мистер Джейкоб Моррис, эсквайр! – едким тоном процедил Марк.

– Ты... – опешила Кэролайн. – Предатель! Как ты мог?!

Злобную тираду прервал звук выстрела. Пуля угодила в плечо мистера Морриса, заставив всех гостей по соседству отскочить, хватаясь за голову.

– Пять минут прошло, – совершенно добрым голосом сообщил губильщик.

– Ну всё! – рассвирепел мистер Фултон, понимая, что другого выхода, кроме как признаться, нет. – Это я ранил вашего сообщника. Хотите – стреляйте в меня.

– Надо же, – искренне удивился Марк. – У меня заготовлено ещё столько сказок, а вы так быстро себя раскрыли. Что

ж, прошу на сцену.

Грянувший выстрел наконец-то взбодрил копов.

– Доигрались?! – зло спросил Пит, полностью включившись в ситуацию.

Всплеск адреналина сделал своё дело, и Мэлварс показал своё настоящее лицо. Ещё более ужасное, чем Хантер мог себе вообразить.

Не дав майору шанса хоть что-нибудь сказать, Безбашенный в два прыжка оказался у входа в “ДНК праздника” и возвестил магически усиленным голосом:

– Все за мной! Будем их штурмовать!

Нервно сглотнув, мистер Фултон на трясущихся ногах подошёл к сцене. Публика провожала его сочувствующими взглядами. Для них он был кем-то вроде Христа, принёсшего себя в жертву, чтобы искупить чужие грехи.

– Что с тобой делать-то? – задумался Марк, повышая ставки до небес. – Сразу шлёпнуть, или помучить, чтобы ты понял, как сейчас страдает мой друг?

– Воды... – попросил Тедди слабым голосом, но все вокруг были слишком заняты, чтобы услышать стенания умирающего.

Проходя мимо начальника Налоговой службы, Майлз заметил, как тот ему подмигнул. Вблизи этот человек казался ещё более омерзительным, потому что изображал из себя жертву, в то время как мог одним махом спасти всех от верной гибели.

Чувствуя, что ему нечего терять, мистер Фултон сделал удивительное признание:

– Я целился не в вашего друга.

– А в кого? – поинтересовался Марк, совершенно не планируя отнестись к ответу легковесно.

– В Клиффорда Олсопа, – объявил молодой человек под изумлённые возгласы публики.

Начальник Налоговой службы оказался настолько трусливым, что даже эта реплика не заставила его подняться.

– Вы меня продолжаете удивлять, – поддержал мистера Фултона Марк. – Неужели не все богачи такие уроды?

– Все, – честно сказал Майлз. – Но отныне я больше не богач.

Молодой человек достал из своего камзола чековую книжку и вписал туда примерную стоимость активов, унаследованных от недавно умершего дяди, который не оставил прямых потомков.

– Это... – опешил Марк. – Дамы и господа, перед вами первый человек, который заслужил Эпивир! Лидия, вколи ему дозу.

– Нет, – мягко остановил мистер Фултон девушку. – Я хочу быть честным перед самим собой. Я выхожу из дела и стану губильщиком.

Марк ничего не сказал. Лишь поднял руку молодого человека, словно он стал чемпионом по боксу, знаменуя тем самым свой безоговорочный триумф.

Губильщики, стерёгшие центральный вход, резко отско-
чили от выбитой двери, через которую повалил град поли-
цейских во главе с Питом.

– А ну всем стоять! – хрипло прокричал Мэлварс и пер-
вым же зарядом попал в Лидию.

Глава четвёртая. Подземный город

Фургон Юн-полиции летел высоко в мрачном небе Лас-Вегаса, залитом синими отсветами неоновых огней. Когда Союз отделился от остальных Штатов, новоиспечённые граждане двух враждующих государств не придумали ничего лучше, чем узаконить цветовую дифференциацию. Конфедераты обозначили себя красным, как и в годы Гражданской войны. А северяне по той же логике подняли синие знамёна. И, конечно, жители обеих стран подсустились с освещением, закрепив разрешённые цвета в своих Конституциях.

С одной стороны это было очень удобно. Характерные всполохи света не дадут перепутать, в каком ты краю. С другой – эта монотонность утомляет. Даже знаменитым брендам пришлось пойти на поводу у властей и перекраситься в соответствии с буквой закона.

Поэтому, например, в Союзе Кока-Кола синяя, а в Конфедерации Пепси – красная. И ничего с этим не поделаешь, увы.

Майор Уитакер пытался собраться с мыслями, глядя в окно. Он не хотел смотреть на трясущегося в припадке капитана Смитсона, который профукал самое важное, что нужно в полиции – запасы донорской крови. Мэнс не хотел знать, что рядом сидит капрал Освальд, такая юная и красивая, но

уже, возможно, обречённая на глупую смерть от пули.

Всё что оставалось – прильнуть к почти демоническому пейзажу. Россыпь синих огней приковывала к себе. Тяжёлые тучи нависали клоками ваты, готовыми с минуту на минуту взорваться грозой. А в бесконечных окнах казино глупые доноры отдавали последнее за призрачную надежду изменить свою жизнь.

Мэнсу часто доводилось слышать истории от своего друга Диллона Джонса, который работает управляющим игорного дома “Экскалибур”. За стенами игрушечных башен разворачиваются настоящие страсти, не сопоставимые с маркетинговым образом казино.

Примерно раз в неделю, когда графики совпадают, Диллон зовёт Мэнса пропустить пару кружек пива в одной из элитных забегаловок Лас-Вегаса. “Паб 365”, или, как его прозвали за близость к Ист-Фламинго роуд – “птица пьёт круглый год”, находится в приличных сорока минутах от “Экскалибура”. Но Джонсу по душе прогуливаться в ту сторону. Это помогает вынырнуть из будней, которые уже набили оскомину.

Когда друзья занимают один из столиков под вытянутой полукруглой стеной, обитой кожей, Диллон обязательно развязывает фирменный узел Элдридж, освобождая шею от галстука, и роняет свою любимую фразу: “Ну и неделька у меня выдалась, Мэнс”.

Это значит, что ближайшие полчаса Уитакер будет слу-

шать страшные истории о донорах, которые мухлюют, чтобы сорвать джек-пот, или топятя в одном из бассейнов, когда приходит здравая мысль, что с кредиторами им не расплатиться. Мэнс выслушивает всё с едва заметной улыбкой и предпочитает не рассказывать, как прошла его неделя. Диллон током не переваривает собственные истории, а уж будни майора Юн-полиции могут напрочь выбить его из колеи.

Проносющаяся мимо многоэтажка “Экскалибура” погрузила Мэнса в далёкие воспоминания. Теперь он, будто в полусне, смотрел кино о своём знакомстве с Диллоном.

Как и всех остальных детей Союза, Уитакера с Джонсом отобрали у родителей и поместили в муниципальную Воспитальню. Через неё нужно пройти в обязательном порядке, чтобы профессионалы сделали из маленького бестолкового существа по-настоящему полезного члена общества. Любящего современный уклад жизни. Презирающего доноров.

А чего их любить, этих доноров? Кровь – единственная полезная вещь, которую они могут дать. В остальное же время, между сеансами выкачки, они только и делают что плачутся о том, как несправедливо с ними обошлась судьба. Пытаются убедить, что им все почему-то должны.

Мэнс и так всё понимал, но детство, проведённое в Воспитальне, ещё больше убедило его в этом. Он видел вокруг себя целеустремлённых людей, не заикленных на сентиментальных проявлениях личности. В нормальном мире он давно считаются рудиментами прежней цивилизации, которая

рухнула под натиском Второй Гражданской войны.

Правда, Уитакер всё равно не отказал себе в соблазне пойти на поводу у человеческих чувств. Однажды, ещё совсем мальчишкой, Мэнс тайком пробрался из общей спальни на кухню попрактиковаться в магии. Он часто так делал, и никто его не ловил на горячем. Но в тот раз будущий майор Юн-полиции слишком переусердствовал, изучая чары очищения совести. Ребёнку такое не по силам, вот и Мэнс неосторожно сжёг около литра крови. Ему не хватило сил даже на то, чтобы оставаться в сознании.

Маленький Уитакер пришёл в себя от горячего потока, который струился по сосудам через трубку, соединявшую его с Диллоном. Отважный парень всего на пару лет старше не растерялся и отдал часть своих сил, просто потому что в детских учреждениях не держат никаких картриджей. “А зачем вам? – всегда спрашивают в Министерстве Школьного Надзора в ответ на просьбу выделить хоть небольшую квоту. – Ну, если для детей тут небезопасно, мы просто отнимем у вас лицензию. Ах, не надо отнимать? Вот и славно”.

С тех пор Мэнс и Диллон стали настоящими друзьями. Несмотря на то, что это слово всячески порицается современным прогрессивным обществом.

Майор Уитакер пришёл в себя, только когда фургон завибрировал, снижаясь над решётками, ограждающими Дин Мартин драйв.

Осмотревшись по сторонам, Мэнс почувствовал себя

неуютно от взгляда Рут. В её глазах рвение отличницы переплелось с совсем недетским интересом к персоне майора. Правда, капрал Освальд быстро взяла себя в руки.

И доложила:

– Вижу дежурную машину.

Поспешив покинуть фургон, майор Уитакер направился к оставленной тачке с мигалками. Визуально – никаких повреждений или следов перестрелки. На дороге тоже никаких пятен и ошмётков тел. Как будто патрульные просто припарковались посреди оживлённого центра, чтобы посетить любимую бургерную перед долгой ночью.

Но ведь они кричали перед тем, как оборвалась связь! Что же произошло?

– Майор, никаких признаков насилия, – отчеканил капитан Смитсон, буквально скользнув глазами по машине.

– Да что вы? – фыркнул Мэнс, обходя транспортное средство вокруг.

Из умиротворяющей картины выбивался только яркий тормозной путь. Две чёрные прямые на фоне серого асфальта. Значит, полицейские заметили нечто подозрительное, уже почти миновав секретный вход в ливнёвку.

– Набейте рюкзаки кровью, а потом за мной, – приказал майор Уитакер и осторожно перелез через ограду.

Шоссе будто провело границу между двумя мирами. С одной стороны возвышались удивительные небоскрёбы и многоуровневые эстакады, с другой – не считая крохотного мо-

теля, был абсолютный пустырь, плавно переходящий в песчаные заносы, за которыми едва виднелись крохотные домишки прилегающих деревень. И на стыке этих реальностей – четыре одинаковых бетонных проёма, за которыми таится Преисподняя.

Весь отряд уже оказался по ту сторону сетки. Даже пузатый Смитсон справился с задачей. Но капрал Освальд никак не могла перелезть препятствие и в конце концов зависла наверху, постанывая, словно заблудший котик, которого угораздило заползти на самую высокую ветку, не зная, как слезть вниз.

– Мисс, – обречённо вздохнул майор Уитакер, заметив эту картину. – Слезайте, пожалуйста.

– Не могу, – призналась капрал.

– Слезайте сейчас же, – повторил просьбу Мэнс. – Вы же офицер Юн-полиции.

– Пока не офицер, – мягко ткнула Освальд майора в истинные обстоятельства, как будто это он виноват, что девушек на первом году службы не производят в чин.

– Рут, – призвав в союзники всё своё терпение, мягко сказал Уитакер. – Я прошу вас...

– Ой, – опять застонала девушка. – Упаду, ой-ой-ой.

Без долгих раздумий Мэнс кинулся выручать упрямую практикантку. Капрал Освальд сама нырнула в объятия к майору и бесстрашно позволила снять себя с решётки, словно занималась акробатикой с детства. Уитакер поставил де-

вушку на землю и, пошатываясь, отошёл в сторону.

– Вы в порядке? – забеспокоились парни из отряда Bravo.

– Да, – неуверенно ответил Мэнс. – Видимо, просто не выспался.

Возле входа в ливнёвку тоже не было никаких следов боя. Хоть бы одна царапина от заряда конвергентора. Хоть бы капля испорченной крови.

Нет, всё было чисто, как в эритро-капельницах высшей пробы. Возможно, даже чересчур, что вызывало ещё большие опасения. А вдруг перестрелка всё-таки случилась, но губильщики потом замели следы?

– Майор Уитакер, приём, – донёсся голос Хукера из переносной радиостанции, висевшей на плече у полицейского.

– Полковник, – отозвался Мэнс. – Я вас слушаю.

– Доложите обстановку, майор.

Неудивительно, что шеф Юн-полиции хотел быть в курсе операции. Но Уитакера накрыло удушью волной самоуверенности, и майор позволил себе реплику не по уставу:

– Сэр, я вынужден просить вас не вмешиваться в ход оперативной работы. Переговоры могут подвергнуть наши жизни опасности. Я считаю, патрульные как раз на этом и погорели.

Майор безусловно был прав. Но его тон был далёк от вежливого, и Хукер не мог спустить это на тормозах.

– Поступайте как считаете нужным, Мэнс. Но завтра я жду ваш отчёт у себя на столе. Вместе с заявлением по собствен-

ному.

Услышав последнюю фразу, члены отряда Bravo дружно опустили глаза. Только жалели они совсем не майора. Гораздо больше их заботило, что сейчас им придётся пойти на смерть.

– Я разведу местность, – вызвался капитан Смитсон, прервав тем самым неловкое молчание.

Сегодняшняя вылазка стала всё больше напоминать прогулку в Воспитальне, когда счастливым детям наконец удалось избавиться от надзирателя. Вместо профессионалов своего дела штурмовать укрытие губильщиков собрались какие-то мальчишки и одна девчонка, с трепетом ожидающие решения своего условного лидера.

Уитакер молча кивнул, а сам принялся массировать себе пальцами виски. Сейчас майор больше всего хотел переложить руководство операцией на кого-нибудь ещё и хоть немного побыть наедине со своими расплывающимися мыслями.

Питеру не понадобилось второго подтверждения. Капитан моментально юркнул в тёмные своды ливнёвки, предварительно проткнув палец иглой, чтобы на конвергенторе включился фонарик.

Тоннель городской канализации представлял из себя широкий, но приземистый коридор с бетонными стенами, ведущими глубоко под уважаемые районы Лас-Вегаса. За три века, что они существуют, ливнёвки затапливало множе-

ство раз. Но всё равно цивилизация губильщиков находит в себе силы вновь заселять эти подземные лабиринты.

Поэтому их нередко сравнивали с тараканами. Или крысами. Они такие же мерзкие и селятся в тёмных и влажных местах. А ещё разносят инфекцию.

И правда, чем не матёрые грызуны? Только почему власти до сих пор не провели дератизацию – остаётся загадкой.

Смитсон медленно продвигался вперёд. Отряд Браво не решился кинуть в разведку его одного, поэтому юн-полицейские не сговариваясь проследовали за капитаном, де-факто признав в нём лидера. Тем более, что Питер был в отряде вторым по званию после майора.

Мэнс немного замешкался, но всё же замкнул строй. После того, как Рут взяла его за руку и повела внутрь.

Шаги раздавались гулким эхо на многие мили вперёд, так что Питер в конце концов шикнул на команду:

– Крадёмся тише!

Один из рядовых с банданой на голове замешкался у странной надписи. Кто-то изобразил на стене баллончиком герб Союза и перечеркнул его толстыми красными линиями, а внизу вывел: “Бог един. Америка тоже”.

– Чёртовы реюнионисты, – сказал какой-то рядовой из группы, тоже заметив граффити.

Молодым полицейским очень нравится примерять на себя роль взрослых бойцов. Только чаще всего это исчерпывается не ответственностью, а лишь крепким лексиконом. Сторон-

ников воссоединения с диким югом тут и правда не любили, но можно было и не говорить об этом вслух.

После неосторожной реплики новобранца повисла неловкая пауза. В тоннеле стало настолько тихо, что каждый мог услышать дыхание ближнего и даже сосчитать пульс.

А потом вдалеке раздалось эхо. Что-то между воплем и стоном. И повторилось ещё несколько раз, пока окончательно не затухло в сырых коридорах.

– Н-не понял, – аж заикнулся от испуга капитан Смитсон.

Эта осечка Питера окончательно взбодрила майора, и Уитакер наконец вспомнил, что это его операция и его отряд.

– Команда, слушай сюда! – гаркнул Мэнс, собрав все силы в кулак. – Перестроиться в штурмовой режим, укрепить фланги. Мы идём в атаку!

Уитакер понимал, что это мог быть просто ветер, и велик шанс, что он просто будет выглядеть идиотом в глазах подчинённых. Но полицейское чутьё подсказывало: не так всё просто. Раз двое патрульных бесследно пропали во время переговоров, значит, здесь точно кто-то есть.

Едва освещённый тоннель зашелестел сдержанными шагами Юн-полиции. Каждый из группы уже подсоединил иглу своего конвергентора к руке и ждал шанса применить его.

Вдали показался тусклый свет, из которого вырастали тени, пребывающие в постоянном движении. По мере того, как отряд приближался к огням, вокруг нарастал запах плесени. А стены всё больше тонули в витиеватых символах на стран-

ном языке, которые чередовались с чертежами.

Эхо повторилось ещё раз. Но теперь совсем близко, и даже можно было разобрать слова.

– Перестаньте! – молил кто-то незримых мучителей. – Я уже всё сказал!

– Что мы вам сделали? – чуть не рыдая, спросил ещё один пленник.

Тут же раздался глухой удар, после которого вступил сильный голос:

– И ты ещё смеешь спрашивать? После всего, что перенёс мой народ.

Уитакера всё-таки развезло, и он громко засмеялся. Уж очень театрально звучал этот разговор. Как в плохих боевиках позапрошлого века.

– М-майор, вы бы помолчали, – аккуратно попросил капитан Смитсон, опасаясь очередной вспышки гнева.

Вся группа злобно покосилась на Питера, и он, обливаясь потом, не стал продолжать. Хотя ему очень хотелось вставить пару слов про то, как в очередной раз его делают крайним, даже когда лажает кто-то другой.

– Ты это слышал? – ожидаемо спросил сильный голос.

– Наверное, ветер, – ответил пыточнику сообщник, не менее нарочито, чем остальные, кто был задействован в этой пьесе. – Так на чём мы остановились? Гоните кровь, гады!

И пленники в два голоса принялись уже по-настоящему вопить.

Мэнс окончательно забыл, что он крайне прагматичен, и просто ломанулся на амбразуру с криком:

– Вперёд!

Не дожидаясь, пока впереди замаячат враги, майор открыл огонь. В дуле конвергентора стоял кристалл, поляризующий рассеянные лучи магии, которую испускал Уитакер. На этот раз он вкрутил в оружие чёрный стержень. А значит, каждый выстрел обязательно проникнет в душу и унесёт её в преисподнюю ко всем чертям.

Главное – не забывать о запасах крови.

– Пригнись, стреляют! – зазвучал совсем рядом сиплый голос.

Из-за поворота показалось трое губильщиков. Мэнс даже не сомневался, что это будут они. Желтокожие, измождённые, до безумия злые.

– Стреляйте на поражение! – приказал Уитакер.

Один из зарядов угодил широкому амбалу в ногу, и тот растянулся на бетонном полу.

– Чёрт! – воскликнул он, не переставая отстреливаться из положения лёжа.

– Поднять щиты! – скомандовал майор и резко выбросил левое запястье вперёд.

Потайное устройство раскрылось, выпуская из себя непроницаемую заслонку, похожую на голограмму. Ещё одна капля крови потрачена не зря.

Мэнс не понимал, почему больше ни один выстрел не

попадал в цель и от этого стал ещё истеричнее стрелять. Остальные полицейские тоже ничего не могли сделать и только прятались за своими щитами, которые едва успевали поглощать отравленную гепатитом магию.

За спинами трёх губильщиков показались ещё несколько. Среди них были и старики, и совсем юные девушки, и даже дети. Но все одинаково хорошо владели конвергенторами, не давая профессиональным копам спуску.

– Защищайте капрала Освальд! – орал Мэнс во всё горло, продолжая целиться, чтобы попасть хоть в кого-нибудь. – Прикрывайте Рут, говорю вам!

Юная девушка в форме стояла как вкопанная, не в силах шелохнуться. Щит она себе так и не организовала. Но что ещё хуже – она даже не пыталась стрелять!

Не выдержав этого зрелища, майор самоотверженно закрыл Рут собой и продолжил поливать губильщиков самой чёрной магией, на которую был способен.

Врагов становилось всё больше. Словно муравьи сбегаются со всех сторон на лакомый кусочек еды и обволакивают его, чтобы не убежал. Отряд Юн-полиции начал медленно отступать, пока щиты вибрировали от невероятного количества магии, которая разбивалась об них.

У Мэнса закружилась голова. Шагая назад, он прицепил конвергентор к магниту слева на торсе и вытащил из кармана картридж с кровью. Поставил в разъём на запястье, дождался, пока драгоценная жижа перетечёт в сосуды, и выкинул

опустевший контейнер.

– Я больше не могу, – едва слышно проговорила капрал за спиной. – Мне дурно...

Уитакер буквально почувствовал, как Рут обмякла.

– Прикройте меня! – крикнул майор, а сам, не убирая щит, осторожно переступил через девушку и склонился над ней, пытаясь привести в чувство.

Боевая группа продолжала пятиться назад, пытаясь нанести губильщикам максимальный ущерб, но, кроме одного попадания в ногу, других не было.

Мэнс похлопал девушку по лицу. Рут никак не отреагировала. Враги уже приблизились вплотную. Майор даже успел удивиться, как это его до сих пор не убили.

Стрелять по девушкам, старикам или детям не хотелось, так что Уитакер в качестве цели выбрал крепкого мужчину своих лет и собрался уже попасть ему прямо в голову, но Мэнса огрели чем-то тяжёлым по голове, и он наконец потерял сознание. Организму уже какое-то время хотелось этого, и вот – представился шанс.

Капитан Смитсон опять взял командование на себя и ожидаемо приказал отряду отступать дальше. Никто не собирався оспаривать его решение. Разве что, деморализованной Юн-полиции пришлось наблюдать, как их родного майора окружает толпа губильщиков.

Когда все люди в форме отошли на достаточное расстояние, перестрелка закончилась сама собой. Губильщики про-

сто укрылись в недрах тоннеля, по пути захватив с собой Мэнса и Рут.

Питер побелел, как будто у него разом выкачали всю кровь. Он даже представлять себе не хотел, что придётся выслушать от разъярённого Фергюсона, когда тот узнает об исходе операции.

Потерять лучшего командира и юного капрала за один раз. Да ещё и отдать на растерзание этим больным. Их же принудительно заразят! Или перепрограммируют, чтобы те примкнули к рядам губильщиков и поубивали своих же коллег.

– И что нам теперь делать? – тупо спросил один из отряда “Браво”.

– С этим местом что-то не так, – подытожил свои ощущения Питер. – Почему мы попали только один раз?

– Я частенько прогуливал тир, – повинился лысый парень справа в третьем ряду.

– Но я-то не прогуливал! – разозлился капитан Смитсон, и его крик ушёл в глубину тоннеля эхом. – Ладно, пора нам выбираться отсюда, пока нас всех не перебили.

Питер шёл к выходу с тяжёлым сердцем. Но каждый шаг делал его ношу легче.

Потому что никто не сможет проверить его доклад. Потому что можно доложить Фергюсону о героической гибели майора и занять его место.

Больше никаких унижений от Уитакера. Ещё и прибавка

к зарплате.

Скорбное выражение лица очень быстро сменилось улыбкой, и шаг Питера стал гораздо увереннее. Теперь он видел свет в конце тоннеля. Во всех смыслах этого слова, кроме того, что связан со смертью.

Возможно, только сейчас Смитсон начинал жить.

А вакуумный аккумулятор – это миф. Кто в своём уме станет разрабатывать такое, зная, что за ним устроят охоту? Причём, и северяне, и южане. Да и возможно ли такое технически?

Отряд “Браво” покинул сырые стены подземного города и погрузился обратно в фургон, который полетел навстречу новому дню. Питер закрыл глаза от предвкушения и позволил себе задремать.

Всё кончилось гораздо лучше, чем в самых смелых мечтах.